

КАЗАКИ В БЕЛОРУССКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
И КОЛЛЕКТИВНОЙ
ПАМЯТИ © *Игорь Марзалюк*

Наиболее раннее упоминание белорусских (смоленских, полоцких и оршанских) казаков, датируется 1530 г. Казаки, фигурирующие в источниках этого времени, выполняли функции пограничников на литовско-московском пограничье. В источниках отмечается, что основная масса казаков, живших в то время в Оршанском повете, была представлена «показаченным» панцирным боярством. Они жили компактно, отдельными поселениями. Среди оршанских казаков было очень много выходцев из Смоленщины, не пожелавших принять московское подданство, после утраты Великим княжеством Литовским (далее – ВкЛ) Смоленска¹.

В белорусской историографии первой половины XX в., в первую очередь в трудах Владимира Пичеты, подчеркивалось особое значение выходцев из белорусских земель в процессе образования Запорожской Сечи. Белорусский историк был убежден, что именно белорусы положили начало Запорожью, на раннем этапе определяли его этнический облик, при этом, приток белорусского населения на эти земли не иссякал и позднее, в том числе и в первой половине XVII в.².

Данное обстоятельство не осталось незамеченным и в украинской историографии. Великий украинский историк, Михайло Грушевский, отмечал очень высокий процент козаков – выходцев из земель современной Беларуси в реестре козацкого полка 1581 г., который принимал участие в Инфлянской (Ливонской) войне³.

В современной украинской историографии, в первую очередь в трудах украинского историка Сергея Лепъявко, отмечается особенно важная роль белорусов в создании украинского казачества. Уместно будет напомнить, что первой войной, в которой казаки были использованы государством, является Инфлянтская война. Идея найма и использования козаков на службе ВкЛ принадлежит гетманам Григорию Ходкевичу и Роману Сангушко. Они зна-

¹ П-ка (Подалка Лев). Происхождение запорожского казачества // Киевская старина. Киев, 1884. Т. 9, с. 581.

² Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. Москва, 1961, с. 574.

³ Грушевский М. Історія України-Руси. Київ-Львів, 1909, Т. 7, с. 156.

ли, о чем говорят – оба в молодости сами казаковали. Актовые документы, в которых упоминаются казацкие подразделения, принимавшие участие в боевых действиях на первом этапе Инфлянтской войны, свидетельствуют, что главными местами сосредоточения казаччины в 60-х гг. XVI столетия было левобережье Днепра от Орши до Остра, а также бассейн Припяти (белорусско-украинское Полесье и Волынь)⁴. Днепр и его притоки позволяли жителям белорусских городов и территорий без особых проблем продвигаться на юг – до Канева, Черкас и Запорожья. В люстрации Черкасского замка 1552 г. указывается, что мозырцы, петриковцы, быховцы, получали днепровские «уходы» от черкасского старосты вместе и наравне с киевлянами и черныбыльцами⁵. В том же Черкасском замке в 1552 г. упоминается «пушкаръ на имя Ворона, родомъ з Менъску»⁶.

Весьма показателен реестр козачьего полка составленный в 1581 г. Этот источник позволяет утверждать, что 82% идентифицированных (356 из 530) козаков являлись выходцами из Беларуси и Украины, 8% -- Московии, 8,4% – из Польши, 4,8 – из Литвы. Собственно русинский (белорусско-украинский) элемент среди козаков распределялся следующим образом: 26% из них происходило с Волыни и Подолья, 22,8% из Верховьев Днепра, Беларуси, 15,7% бассейна Припяти, 17% с Среднего Днепра. Таким образом, большинство козаков с реестра 1581 года происходили из населенных пунктов в бассейне Днепра и его притоков – Припяти (с ее притоками Горынью и Случью), Березины и Сожа⁷.

В 7 книге публичных дел Литовской метрики (1553–1567) сохранился весьма интересный документ, датированный 1561 г. – «*листы до старост и державец украинъных о козаки*». Источник адресован, в том числе, воеводам полоцкому и витебскому, державце оршанскому, особый лист был отправлен в Могилев, старосте мстиславльскому, державце рогачевскому, кричевскому и чечерскому. Текст документа ясно и однозначно говорит о наличии «*казаков служебных*» на данных белорусских территориях.

Весьма показательно содержание такого «листа» адресованного Жигимонтом Августом державце оршанскому князю Андрею Семеновичу Одиньцевичу:

⁴ *Леп'явко С.* Українське козацтво у міжнародних відносинах (1561–1591). Чернігів, 1999, с. 29.

⁵ *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006, с. 41.

⁶ Цитата по: *Михайлюк Ю.* Південна Київщина в 60-х рр. XIV – 60-х рр. XVI ст.: державне управління та громадське самоврядування. Черкаси, 2011, с. 258.

⁷ *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006, с. 40–41.

«Абы еси казал закликати тамъ у Орши и што будетъ там людей служебныхъ козаков, которые бы ся у войско ку службѣ наше господарское згодили, имена их на реистр списал и тот реистр до нас ничего не мешкаяючи послал». Жигимонт Август приказывал оршанскому державце чтобы козаки «...жебы се вже нигде не отсожали, а яко есьмо первеи сего тебе росказали, абы еси всим подданным тамошним росказал, жебы в замок со всеми статками и маетностями своими вносили ся. А хто бы в том слошность чинил и до замъку провадити ся не хотель, ты бы мощно к тому ихъ принушати казалъ, везеньем, а не винами караячи»⁸.

Подобная мобилизационная стратегия, в случае с Оршей, имела позитивный результат – во время Инфлянтской войны здесь размещался большой казачий гарнизон, состоявший из показаченного мелкого боярства и оршанских мещан добровольцев. Они составляли весьма внушительную силу – в 1580 г. у Филона Кмиты Чернобыльского во время боевых действий с «москвой» было около двух тысяч казаков с оршанско-смоленского порубежья. Источники, к слову сказать, упоминают и полоцких казаков. Именно полоцким казакам принадлежит честь захвата в 1579 г. московской крепости Нещерды⁹.

Городские казаки постоянно упоминаются в актовых книгах моголевского магистрата. Говоря о моголевских казаках нельзя обойти и проблемы невольничества, связанного с военными действиями во время Инфлянтской войны. А если более конкретно – про экспедиции на «московскую» сторону за «живым товаром» «показаченных» моголевских мещан добровольцев и продажи ими на моголевском рынке жителей Московского государства.

Благодаря тому, что до нас дошли почти все актовые книги моголевского магистрата, мы имеем возможность составить представление и о подготовке, и о самих участниках таких экспедиций. Источники свидетельствуют, что *«в заграничье Московское»*, в *«землю неприятеля московитина»*, ходили по собственному согласию группы хорошо вооруженных *«удавшихся в казацтво»*, на время такой экспедиции, моголевских ремесленников. Среди участников походов упоминаются горшечники, шубники, шорники и представители иных ремесленных специальностей. С оружием у горожан проблем не было – ибо каждый из них, согласно с нормами магдебургского права, обязан был иметь в доме оружие на случай войны. Наиболее ранние документы про такие походы и захват *“живого товара”* датированны 1579 г., последний случай зафиксирован в актовых книгах моголевского магистрата – 1581 г.¹⁰.

⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564. (1553–1567). Vilnius, 1996, p. 81.

⁹ *Пятроўская Г. А.* Казацкія песні // Пазаабрадавая паэзія. Мінск, 2002, с. 265.

¹⁰ Акты Виленской археологической комиссии (далее – АВАК). Т. 39. Вильна, 1915, с. 322, 372, 385, 389, 404–405, 427, 489; *Голубеў В. Ф.* Звесткі з сацыяльна-эканамічнага жыцця г. Магілёва канца XVI ст. паводле актавых кніг гарадскога магістрата // Старонкі гісторыі Магілёва. Магілёў, 1998, с. 63–66; Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі (далее – НГАБ). Ф. 1817. Воп. 1. Адз. зах. 1. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1577–1579 гг.

В источниках сохранились и описание ритуалов, связанных с подготовкой таких экспедиций. Представим себе. Могилев. Идет воскресная служба в православной церкви. Отдельной группой, в полном вооружении, стоят «показанные братья». После причастия все участники будущего похода торжественно клянутся один другому делить добычу в походе справедливо, поровну:

«Иж коли есьмо шли за границу, тогда он з иншыми товаришами своими, зо мною и з моими поставене такое учынили и руки межи собою дали, и словом своим прирекли, иж в одном товаристве з нами мели быт, и ест ли бы што Пан Бог послал, то мы мели, вышедши заграничья, в ровный дел добыч свою межи собою розделить»¹¹.

Что касается конфессионального состава участников. В то время в Могилеве среди горожан не было ни одного католика, как, естественно, и ни одного католического костела в городе. Как видим, принадлежность к православию не мешала ходить православным могилевским горожанам в поисках добычи на московскую сторону. Подчеркнем, их никто не принуждал к этим походам. Это было, так сказать, «инициатива снизу», которая исходила от самих жителей города. Отряды передвигались по чужой территории ночью, избегали встречи с московскими войсками, нападали на деревни на рассвете:

«Року 1579 Ивашко Сопронович ходил за границу в товариство в козацтво под Смоленск и тут есмо достали сполне кобылы две, робят москалей два, овчын двадцат чотыры, овец чотыры, замок нутреных чотыры, узголовья дерюги две, сермяк один, мисы три, ковши два, косы три, топоров сем, скобли две, воску ...волны рун триидцат, чоботы трои, ковши три, скобли две, сорочек дванадцать»¹².

В источниках нет ни одного упоминания о плене и продаже в невольничество взрослых мужчин. Во время нападения они защищали свои семьи, и их, как правило, убивали на месте. В плен выводили женщин и детей. Во всяком случае, все уцелевшие акты купли-продажи невольников в Могилеве, говорят только о них. Естественно, что особенным спросом пользовались молодые, здоровые женщины. Кстати, именно из-за них чаще всего среди участников «выправ казацких» возникали конфликты, которые приводили к разбирательствам в магистратском суде¹³.

Молодая, здоровая женщина-«московка» в Могилеве во время Инфлянтской войны стоила от 2 до 5 коп грошей литовских. Подростка можно было приобрести за 1 копу¹⁴. Пленные «москальки» использовались в качестве до-

Арк. 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; НГАБ. Ф. 1817. Воп.1. Адз. зах. 2. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1580–1581 гг. Арк. 455, 564–565.

¹¹ АВАК. Т. 39. Вильна, 1915, с. 372.

¹² НГАБ. Ф. 1817. Воп. 1. Адз. зах. 1. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1577–1579 гг. Арк. 76, 77.

¹³ АВАК. Т. 39. Вильна, 1915, с. 372.

¹⁴ АВАК. Т. 39. Вильна, 1915. С. 332, 372, 385, 389, 404, 405, 427, 489; НГАБ. Ф. 1817.

машней прислуги, лакеев, нянек по досмотру за маленькими детьми. Источники свидетельствуют, что в домах богатых могилевских мещан, представителей магистрата, цеховой старшины, купечества, для «*паслугов хатних*» использовали «*челядники москалики*»¹⁵. Однако необходимо отметить также и факты усыновления и выкупа маленьких рабов бездетными могилевцами у их хозяев¹⁶.

В Могилеве, рядом с замком, как свидетельствует инвентарь 1604 г., на территории Задубровенского посада, существовала казачья улица. О городских могилевских казаках документы упоминают вплоть до 1654 г.

Казачий след в белорусской исторической традиции имел продолжение в кровавом, полном трагизма XVII столетии, во время восстаний и совместных военных действий с казаками Богдана Хмельницкого в 1648–1649 гг., а также во время кровавого «Потопа», в котором активное участие принимали и белорусские полковники, показаченное население Беларуси.

Мы должны помнить, что не может быть и речи, применительно к ситуации середины XVII века, о собственно украинском либо белорусском раннемодечном национальном самосознании. Согласно представлениям восточнославянских элит Речи Посполитой и на территории Короны, и на территории ВкЛ, в то время существовал единый русский (русинский) народ. Подчеркнем еще раз – и казаки, и их противники в ВкЛ считали русинское население по обе стороны границы одной и той же этнокультурной группой с общей исторической традицией, языком и верой. Альберт Виюк-Каялович видел главную причину распространения восстания Хмельницкого на землях ВкЛ в национальном единстве русинов по обе стороны польско-литовской границы¹⁷. Понятие «Малая Россия» в то время местными интеллектуалами использовалась также и для русинских земель ВкЛ. Белая Русь, равно как и Русь Литовская (Черная Русь), Полесье – всё это составные части Малой России. В таком контексте термин «Малая Россия» служил для опознания всех восточнославянских земель Речи Посполитой. Именно поэтому казачья стар-

Воп. 1. Адз. зах. 1. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1577–1579 гг. Арк. 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; НГАБ. Ф. 1817. Воп.1. Адз. зах. 2. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1580–1581 гг. Арк. 455, 564, 565.

¹⁵ АВАК. Т. 39. Вильна, 1915, с. 389, 404–405, 427, 489; Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской (далее – ИЮМ). Вып. 8. Витебск, 1887, с. 344.

¹⁶ НГАБ. Ф. 1817. Воп.1. Адз. зах. 2. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1580–1581 гг. Арк. 564–565.

¹⁷ *Плюхий С. Н.* Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. в латиноязычной историографии середины XVII века. Днепропетровск, 1983, с. 21–30; *Плюхий С.* Руски Вавілон. Дамадэрныя ідэнтычнасці ў Расіі, Украіне і Беларусі. Беласток-Вільня, 2012, с. 214.

шина последовательно высказывала свои претензии на земли современной Беларуси. Показательно, что для украинской политической и историографической традиции подобные представления были характерны еще и в первой половине XVIII в.¹⁸

Представления о запорожском казачестве, как о защитниках православной веры и прав всего «русского» народа Речи Посполитой, были характерны для мировоззрения православных интеллектуалов происходивших из земель современной Беларуси. В 1625 г., в краковской типографии Франтишка Цезария, увидела свет польскоязычная поэма «Лабиринт или запутанная дорога, где прекрасная мудрость по долгу своему господам Могилевянам и тем, кто им подобен в действиях своих, кратчайший и наилучший путь указывает». Автором поэмы был могилевец Фома Иевлевич, бакалавр, выпускник Краковского университета. Поэма была посвящена младшему могилевскому православному братству. Данный текст весьма интересен, так как он позволяет охарактеризовать историческую и национальную идентичность автора. Для Фомы Иевлевича Русь Речи Посполитой выступает как единая этнокультурная единица, имеющая славное прошлое – Киевскую державу:

*«Если захочешь взглянуть на древние деяния своих предков,
То увидишь, что владели они большей частью мира:
От замерзающего моря до берега Адриатического
Простирались владения именитого народа Славянского.
Ибо и первая Россия, стопами своих предков
Следуя, прославилась благородными делами:
Бодростью сердца, благодатным огнем набожности,
Была образцом согласия, любви и дружбы вечной.
Эти её знаменитые достоинства и ныне обсуждают,
Но байку о железном волке собирают.
Когда город Киев семь миль в округе имел,
Пятьсто церквей в нем службу служили,
Которые не только внутри серебром и золотом наполнены были,
Но и внешним убранством светили;
Также больше ста монастырей
Удивительный город дорогим одеянием украшали.
Как всходившее из-за гор солнце по утру
К своему светлому кругу людские глаза манило,
Так и этот город всех по нужде
Привлекал и великим делам внимал.
Не судите и Галич по виду теперешнему,
Потому что лишь тень от былой красоты осталась;*

¹⁸ *Латышонак А.* Нацыянальнасць – Беларус. Вильня-Беласток, 2009, с. 266, 279; *Плахій С.* Рускі Вавілон. Дамадэрныя ідэнтычнасці ў Расіі, Украіне і Беларусі. Беласток-Вільня, 2012, с. 216.

*Не судите и других городов, Русью основанных,
Ныне из-за вас, потомков, распылённых»¹⁹.*

Для нашего автора войско Запорожское – идеальное христоролюбивое воинство, стоящее на защите интересов родной земли и веры:

*«...Но во многих странах
От одного к другому имя славное передается
Особо доблестного войска Запорожского,
Славного на земле и море, в делах Марса удачного,
От которого великие наши и татарские мурзы
Немало и часто шишки имели.
...Их мощь под самые облака возносится.
Везде их вспоминает убогое сиротство,
Из рук поганых вырванное. И его потомство
Никогда их не забудет: пока реки в море
Текут, пока солнце за гору заходит,
Пока день будет сменяться ночью,
Пока жив род людской, пока свод
Неба будут держать звезды,
Слава круга молодецкого будет звучать вечно.
Еще скажу: уже народ крепит согласие,
Что церковь вашу, лишившуюся чувств, приводит в сознание.
Также к товариществу и к единению
(Чтобы в чести был каждый христианин)
Постепенно склоняются панове Львовяне,
Этим уже давно гордятся панове Вильняне.
Верю (вам говорю), мои милые мещанне,
Что повсюду распространится подобное старание;
Я вижу, что уже и в вашем славном Могилеве
На добрую зависть жизнь обновилась;
Когда новое братство младшее появилось»²⁰*

Все эти обстоятельства привели к тому, что и часть православной шляхты, и мещане, и крестьяне Беларуси приняли самое активное участие в казацко-крестьянской войне 1648–1651 гг. Для них Казачина Хмельницкого была «своей» войной – войной за веру предков и русинскую государственность. Огонь восстания охватил всю Юго-Восточную Беларусь. Белорусское мещанство и крестьянство массово «показывалась». Повстанцам в 1648 г. практически без сопротивления открыли ворота Гомель, Лоев, Чечерск, Брагин, Бобруйск, Мозырь, Туров, Пинск, Чериков, Речица, Кобрин, Горваль²¹. Мы не будем здесь детализировать все перипетии той войны, а лишь отметим главное –

¹⁹ Старостенко В. В. «Лабиринт» Фомы Исвасвича. Могилев, 1998, с. 15–16.

²⁰ Старостенко В. В. «Лабиринт» Фомы Исвасвича. Могилев, 1998, с. 30–31.

²¹ Мялишка В. I. Антыфеадалная вайна 1648–1651 гг. // Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 202–203.

Янушу Радзивилу и стражнику Мирскому в ходе усмирения выступлений пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением восставших. Пинск войском ВкЛ был разрушен до основания – уничтожено более 3 тысяч человек, был разрушен и разграблен Брест, опустошен Чериков – здесь жолнерами было вырезано более 1500 человек, по приказу Я. Радзивила все жители Турова были перебиты²². В Чечерске «казаков выбрав полтораста человек, отсекли правые руки по запястья, а 50 де человек на колья посажали, а достальных де казаков и их жен и детей порубили всех»²³. То же произошло в Лоеве, Давыд-Городке... Беспощадно расправился Януш Радзивил и с жителями Бобруйска, сдавшихся на милость победителю:

«мещан де всех, которые и город ему отворили мучил из животов и руки отсек 800 чел., постинал 50 человек, на паля повзбиял 100 чел., и такую де невинную кровь пролил без ума, для своей корысти»²⁴.

В битве под Лоевом, кстати сказать, значительная часть казачьего войска состояла из белорусских русинов. Они умирали, защищая свою древнюю сакральную столицу – Киев. В плен к Янушу Радзивилу после той битвы попали даже показаченные русинские шляхтичи из Лидского повета²⁵.

Поэтому не удивительно, что в 1654 г., на первом этапе войны России с Речью Посполитой, многие представители православных русинских элит делали ставку на Казачье Государство Богдана Хмельницкого, на Гетманат. Политическая программа Богдана Хмельницкого в начале войны нашла живейший отклик среди православной шляхты ВкЛ. Православный белорусский магнат, Михаил Статкевич, сын Самуила Статкевича, открыто поддержал Хмельницкого, за что был объявлен предателем отечества. Род Статкевичей был в родственных узах с казачьим родом Выговских – русинской шляхты имевших родовое поместье в Пинском повете. Писарь Казачьего государства, Иван Выговский, был женат на Елене Статкевич – дочери литовского сенатора Богдана Статкевича²⁶.

Уместно будет напомнить и о том бесспорном факте, что среди казачей старшины Гетманата, соратников Богдана Хмельницкого, было много выходцев с земель современной Беларуси – Силуян Мужилковский, Ян Соко-

²² *Мялешка В. І.* Антыфеадаляная вайна 1648–1651 гг. // Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 205–206.

²³ *Он же*, с. 206.

²⁴ *Он же*, с. 206.

²⁵ *Бярнацкі В.* Паўстаньне Хмяльніцкага: Васнныя дзеянні ў Літве ў 1648–1649 гг. // ARCHE, № 1–2. Мінск, 2008, с. 201.

²⁶ *Катлярчук А.* У ценю Польшчы і Расіі. Вялікае Княцтва Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. Асобная адбітка з нумару // ARCHE, № 7–8 за 2008. Мінск, 2008–2009, с. 237.

ловский, Михайло Кричевский, Иван (Ян) Дубяга. Достаточно сказать, что Филон Гаркуша был родственником самого Богдана Хмельницкого. Сам же Гакуша происходил родом из Старого Быхова. Иван Нечай, зять Богдана Хмельницкого, принадлежал к православному шляхетскому роду из Мстиславского воеводства²⁷.

Когда в 1654 г. украинские казаки заняли первый повет на территории ВкЛ – Стародубский – 188 родов местной шляхты признали запорожского гетмана своим властелином. Они вошли в состав казацкой старшины и сохранили за собой свои земли. Белорусский шляхтич Пётр Забела стал полковником Стародубского полка и повел его против ВкЛ. В 1654 г. казаки захватили и контролировали значительные территории на юго-востоке Беларуси – Стародуб, Речицу, Гомель, Чаусы, Жлобин, Пропойск, Рогачев, Чечерск и Новый Быхов²⁸.

Летом 1654 г. возникает и белорусский казачий полк, который возглавил могилевский шляхтич Константин Поклонский. Последний вступил в острую конкуренцию с Иваном Золотаренкой, стремился самостоятельно контролировать Могилевское Поднепровье. Это соперничество было на руку московской военной администрации. К. Поклонский всячески подчеркивал, что запорожцы не могут претендовать на земли Белой Руси, так как они стали подданными непосредственно московского монарха²⁹. Однако симпатии значительной части белорусских казаков, были все же на стороне конкурента К. Поклонского, наказного гетмана Ивана Золотаренки. Показаченные белорусские мещане и крестьяне переходили из полка К. Поклонского на сторону последнего. К. Поклонский жаловался на Золотаренку за то, что белорусские казаки от его «...отступили и никто со мною уже не хочет быти, но все к нему передалися». За это К. Поклонский угрожал перебежчикам «что головы отсечены будут, которые до войска запорожского приставати будут». Ответ со стороны белорусских казаков не заставил себя ждать: «Не порывайся, чтоб еси не посетил реки; мы хотим пана гетмана себе за полковника имети, нежели на всяко время умирати от наезду татарского и московского»³⁰. Казачий эпизод, в жизни К. Поклонского, был, впрочем, совсем не продолжительным. Вскоре,

²⁷ Мицик Ю. Ридня Богдана Хмельницького у Білорусі // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. Випуск 4. Київ, 2004, с. 189–192.

²⁸ Катлярчук А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княцтва Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. Асобная адбітка з нумару // ARCHE, № 7–8 за 2008. Мінск, 2008–2009, с. 234–235.

²⁹ Латышонка А. Нацыянальнасць – Беларусь. Вільня-Беласток, 2009, с. 244.

³⁰ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. Москва, 1974, с. 221; Горобець В. М. Иван Нечай таукраїнсько-російські суперечки за Білорусь (1654–1659 рр.) // Український історичний журнал. Київ, 1998. №1, с. 28; Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Україна і Росія в історичній ретроспективі. Київ, 2004, с. 58–72.

15 февраля 1655 г., во время осады Могилева Янушем Радивилом, К. Поклонский вернулся на сторону Речи Посполитой с частью своих сторонников.

Следует сказать, что казачья власть и программа Богдана Хмельницкого местным жителям нравилось значительно больше, чем московские порядки. Казаки Хмельницкого отбивали “литовский полон” – сотнями освобождали угоняемых белорусских крестьян в Московию. В ответ на протесты против подобных действий со стороны воеводы Василия Шереметьева казацкий ротмистр Василий Кукин ответил так:

“Те пленные были не рабы, но христианские крестьяне, они искали спасения”³¹.

Под флаги наказного гетмана в Литве и Беларуси, белорусского полковника Ивана Нечая, в созданный им “Белорусский полк” стекались местные казачьи отряды, состоявшие из белорусских крестьян и мещан. Оказачивание на территории Беларуси начало носить массовый характер. Офицерами казачих белорусских сотен становилась местная православная шляхта и мещане. Шляхтич Матей Старинский стал полковником чаусским, Андрей Хмара – полковником менским, а Иван Мицкевич – ротмистром наваградским (новогрудским)³².

Казаки не позволяли московским военным осуществлять поборы с местного населения, удаляли с контролируемых ими территорий московские заставы. Грабежу подвергались, в первую очередь, владения шляхты. Белорусы казаки, имевшие земельные наделы, не платили никому никаких налогов и не выполняли повинностей. Их владения считались «прикормлением» за военную службу. Они захватывали пустые валюки и пашни шляхты «изменников», имели право на вольный шинк водки, судились полковым судом³³.

Показаченные белорусские отряды в 1656 г. также контролировали Менский, Борисовский, Виленский и Наваградский поветы. Белорусские казаки особо не церемонились на своих территориях с присяжной католической шляхтой, лояльной московской власти. Так, например, шляхта Менского повета жаловалась на казаков полковника Ф. Будкова, белорусского полка Ивана Нечая, имевшего своей резиденцией город Игумен. Казаки поставили по всех городах и деревнях повета казацкие заставы и «шляхту и их семьи бьют и разоряют»³⁴. В результате из Менска был отправлен карательный отряд

³¹ Катлярчук А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. Асобная адбітка з нумару // АРСНЕ, № 7–8 за 2008. Мінск, 2008–2009, с. 237.

³² Катлярчук А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. Асобная адбітка з нумару // АРСНЕ, № 7–8 за 2008. Мінск, 2008–2009, с. 237.

³³ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. Москва, 1974, с. 223–226.

³⁴ Он же, с. 238–239.

под командованием Ф Арсеньева «за теми шляхетскими крестьяны, которые собрався, поделав себе знамена, и менского повету шляхту били». Показаченные белорусские крестьяне были разгромлены. Московитам достались весьма интересные трофеи, которые красноречиво свидетельствуют, за какие идеалы сражались и умирали эти белорусские повстанцы, кого считали своим политическим лидером:

«На том бою тех воров многих побили и живых поимали, да на том, государь, бою у тех воров взяли два знамени, да барабан. Одно знамя тафтяное, ветчаное, а другое, государь, знамя полотняное белое накрест перешиито сукном красным, на знамени написано имя Богдан Хмельницкий»³⁵.

Несмотря на то, что «казацкий проект» на территории Беларуси так и не стал реальностью, память о нем продолжала существовать на белорусских землях и позднее, в XVIII столетии. Земли Украинского Гетманата в это время воспринимались как особая, но не чужая, страна. Весьма показателен в связи с этим пример Пилипа Орлика. Он родился в деревне Касута Ошмянского повета. Образование получил в Виленском иезуитском коллеиуме, после чего продолжил обучение в Киеве. В дальнейшем этот ошмянский русин, с протекции гетмана Ивана Мазепы, занял должность генерального писаря войска Запорожского. После смерти И. Мазепы казаки 16 апреля 1710 г. избрали его новым гетманом. В составленной им самим «Конституции прав и вольностей Запорожского войска» он присягал быть «до конца преданным и верным нашему Отечеству и всеми силами стараться про общее благо и единство матери – Малой России»³⁶.

Вождь Кричевского восстания – Василь Вашила в своем манифесте 1744 г., обращенном ко всем «обывателем» ВкЛ, называл себя внуком гетмана Богдана Хмельницкого, атаманом и великим гетманом созданных им из повстанцев казацких войск³⁷. Кричевское восстание современники называли гайдматчиной, козаччиной.

Память о свободе, ассоциированной с казаком, защитником христианской веры и заступником слабых и униженных, нашла отражение в белорусском мелосе. Казачий фольклор распространен по всей территории Беларуси. Белорусский вариант баллады о славном рыцаре Байде, основателе Запорожской сечи, князе Дмитрие Вишневецком, до сих пор поют от Полоцка и до Верхнего Понеманья. В разнообразных вариантах известна в нашей стране

³⁵ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. Москва, 1974, с. 239.

³⁶ Латышонек А. Нацыянальнасць – Беларус. Вильня-Беласток, 2009, с. 279.

³⁷ Lech M. Powstanie chłopów białoruskich 1740 r. // Przegląd Historyczny. T. LI (51). Zeszyt. 2. Warszawa, 1960, s. 326.

песня, про смерть казацкого есаула Нестара Морозенки. Очень много и собственно белорусских оригинальных песен с казацкой тематикой³⁸.

Этот текст мне хотелось бы закончить словами с полевого отчета 1926 г. великого белорусского этнографа А. Сержпутовского:

«В бывшем Мглинском и Суражском уездах Черниговской губернии среди крестьян живут бывшие вольные люди, которые называют себя казаками. Они были вольными и никогда не были крепостными. Они говорят по белорусски и в своем домашнем быту ничем не отличаются от местных крестьян-белоруссов»³⁹.

³⁸ *Пятроўская Г. А.* Казацкія песні // Пазаабрадавая паэзія. Мінск, 2002, с. 268–300; *Сасноўскі З.* Музыкальная культура рыцарскага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Мінск, 2010, с. 118, 123–127.

³⁹ Цитата по: *Пятроўская Г. А.* Казацкія песні // Пазаабрадавая паэзія. Мінск, 2002, с. 266.